

Обе гипотезы — общности происхождения, восходящей к архаичным представлениям и верованиям, и взаимодействия и взаимовлияния — требуют дополнительных изысканий. Но в любом случае на широком культурном фоне Северной Маньчжурии Китая в целом и Трехречья в частности соединились шаманизм, православие, даосизм, буддизм и народные верования китайцев.

Литература

Кляус 2005 — Кляус В. Л. «Крестовые» горы русского населения Забайкалья и Приаргунья: к вопросу взаимодействия с культом гор у бурят и тунгусов // Lietuvos kryzdirbyste tarptautiame kontekste. Kaunas, 2005. S. 55—57.

Кляус 2012 — Кляус В. Л. Крестовые горы в культурном пространстве Трехречья (КНР) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 102—107.

Ли Синшэн, Ван Баоянь 2005 — Ли Синшэн 李兴盛, Ван Баоянь 王保燕. Сборник статей в память У Чжаоцянь (включительно другие 18 вдов древней литературы о Хэй-лунцзяне) 秋笳餘韻 (外十八种). Харбин, 2005.

Тан Гэ 2006 — Тан Гэ 唐戈. Крест и обо, волшебное дерево: антропологическое сравнительное изучение 十字架与敖包、神树: 人类学比较研究 // История и география на северо-востоке Китая 东北史地. 2006. № 4. С. 44—47.

Тан Гэ 2010 — Тан Гэ 唐戈. Русская культура в Китае: антропологическое и историческое исследование 俄罗斯文化在中国——人类学与历史学的研究. Харбин, 2010.

Ши Чуньли 2009 — Ши Чуньли 时春丽. Исследования национальной идентичности этнических русских (на примере Шивэй-Русской национальной волости) 俄罗斯族民族认同研究——以室韦俄罗斯族民族乡为例. Канд. дисс. Центрального университета национальностей 中央民族大学博士学位论文. 2009.

Summary. *This article is dedicated to the Orthodox crosses on top of the mountains in Three-Rivers region (Inner Mongolia), which were set up by the local Chinese-Russian metises and Russians. The question of the origin of this tradition is considered, and viewpoint of Chinese researchers on this problem is illuminated.*

Key words: *Chinese-Russian metises, the “Cross” mountains, aobao, Orthodoxy, shamanism, the Three-Rivers region, territory of the Argun river.*

УДК 398
ББК 82.3

В. Л. КЛЯУС,
А. А. ОСТРОГСКАЯ
(Москва)

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРЕХРЕЧЬЕ¹

Аннотация. В статье, основанной на полевых материалах авторов, рассматривается проблема бытования русского фольклора на китайском языке среди потомков китайско-русских браков, проживающих в Трехречье, которые уже в большей степени утратили знание языка своих русских предков. Отмечается определенная сохранность у среднего поколения китайских русских, говорящих в основном по-китайски, устной мифологической прозы.

Ключевые слова: КНР, Трехречье, китайские русские, фольклорные традиции русско-китайского пограничья.

Фольклор китайских русских Трехречья в своей основе восходит к традициям забайкальских казаков и других групп русского населения Забайкалья — крестьян, горнопромышленных и приисковых рабочих, ссыльных поселенцев, мещан небольших городков юго-восточных регионов края. Именно поэтому, рассматривая русский фольклор, записанный от метисов Трехречья, необходимо иметь в виду в целом всю восточно-забайкальскую фольклорную традицию, которая фиксируется с середины XIX в. и сохраняется до наших дней, в том числе и в Приаргунье.

От китайских русских в Трехречье исследователям русского фольклора удалось записать сказки, христианские легенды, былички, предания, множество устных рассказов и семейных историй [Кляус 2008, 2011, Матвеева 2012]. Обращают на себя внимание особен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-04-00449.

ности бытования отдельных жанровых форм. К примеру, оказалось, что мифологические рассказы распространены незначительно. Это особенно показательно, если сравнивать с современной фольклорной ситуацией в Восточном Забайкалье, где данный жанр является одним из наиболее продуктивных (см.: [Зиновьев 1987]).

Как показывают полевые исследования, гораздо лучше, чем мифологические рассказы, сохранились легенды и легендарные былички о встречах со святыми, о наказаниях за нарушения норм христианской морали и этики. Связано это, вероятнее всего, с тем, что христианская вера, приверженцами которой они остались, несмотря на все перипетии их жизни, оказалась для них одним из важнейших элементов самоидентификации и представлений о себе как об особой этнической группе.

Сказка — в наши дни один из самых малопродуктивных жанров традиционного фольклора, тем не менее в Трехречье еще можно встретить пожилых метисов, которые могут не просто вспомнить, что кто-то когда-то у них рассказывал сказки, но и исполнить их.

Еще один интересный и важный пласт фольклорной прозы трехреченцев — устные рассказы об их жизни в 1920—1970-е гг., о том, как и почему когда-то их бабушки и дедушки бежали из России, о преследованиях метисов в годы Культурной революции, об уничтожении икон, русских кладбищ, церквей. Значительная часть этих рассказов — это уже не личные впечатления респондентов, а пересказ того, что они когда-то слышали от своих бабушек и дедушек, родителей, старших братьев и сестер, поэтому они значительно фольклоризованы.

В наши дни продолжает бытовать в Трехречье и заговорно-заклинательный фольклор. Анализ небольшого числа текстов, записанных от знахарок Трехречья, показывает их полное соответствие русским заговорам на сюжетно-мотивном, образном, формульном уровнях. Но в целом можно говорить о том, что эта традиция в Трехречье затухает. Сегодня сохранились только «наговоры» детской сферы — от «испуга» и бессонницы. Именно они оставались

актуальными для китайских русских: здоровье ребенка для любой матери превыше всего. И практика обращения «к бабкам», видимо, продолжалась даже в условиях тотального контроля и запрета на использование русского языка в годы Культурной революции в Китае.

Говоря о песенном фольклоре китайских русских, нужно иметь в виду, что в забайкальском песенном репертуаре в целом большую долю занимают поздние по времени создания тюремные, казачьи и солдатские песни, а также песни литературного происхождения. Собственно традиционной народной лирики, по сравнению с другими регионами России, в репертуаре забайкальцев всегда было не много. Связано это, конечно, с особенностями формирования русского населения Забайкалья.

От китайских русских одним из авторов настоящей статьи в разные годы записывались в основном поздние по своему происхождению песни, такие как «В саду при долине громко пел соловей», «Голубочек», «Течет речка по песочку», «Любовь, все знают, хороша», «Я сидела и мечтала у открытого окна», «Вечер осенней порой выйду я в сад погулять», «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет», «Мы сидели с тобой на скамейке», «Отец мой был природный пахарь», «Скакал казак через долину», «По Дону гуляет», «Чубчик», «Темная ночь вьюга злится», «Шел я лесом, шел я по дорожке, там стоял народный дом» «Напрасно, напрасно я в тюрьме сижу» (переделка пушкинского «Узника»), «Я милого узнаю по походке», «Звонко унывно прозвенит», «Лет 17 мне минуло, хулигана полюбила» и др.

С приходом в Китай в 1945 г. Красной армии в репертуаре метисов появилась советская лирика — «Подмосковные вечера», «Катюша», «Волховская застольная» («Выпьем за Ленина, выпьем за Сталина...»), «Рябинушка», «Вьется, вьется дальняя дороженька», «От колхозного вольного края» и др. Интересно, что большинство песен исполняется и по-русски, и по-китайски.

Из традиционных народных песен удалось услышать и записать лишь несколько: шуточную «Жил я у пана», балладу «Не разочком разечком замуж

отдают», семейно-бытовые «Завел муж коровушку», «Толокно», хороводно-позелуйную «Летели птички, ростом невелички», песню, которая звучала в конце гулянок, — «Расхожая, разъезжая»². Несколько лучше, чем песни, в Трехречье сохранились частушки, или, как их здесь называют, *припевки*. Они исполнялись во время застолий, точнее в момент плясок под гармонь, которые их сопровождали. Пляшут китайские русские как под обычные припевки, которые друг за другом могут петь все желающие, так и под «Сербияночку».

Относительно хорошая сохранность народной прозы в фольклорной традиции китайских русских объясняется спецификой ее бытования и особенностями формы. В отличие от песен, как известно, прозаические тексты не имеют строгой поэтично-мелодической структуры и их исполнение чаще имеет камерный, индивидуальный характер, что могло способствовать их бытованию даже в условиях запрета использования русского языка в годы Культурной революции. На песенную традицию данный запрет повлиял более существенно — «выжили» превалировавшие в репертуаре песни литературного происхождения, городские романсы и советская лирика. Этому способствовала их более простая поэтико-мелодическая структура и возможность перевода текстов песен на китайский язык и исполнения их по-китайски.

Русскую песню в исполнении на китайском языке в Трехречье можно услышать повсеместно. Но повторимся: к традиционному русскому фольклорному репертуару они не имеют отношения. Особенно любимы китайскими русскими «Подмосковные вечера», «Катюша», «Рябинушка», «Вьетса, вьетса дальняя дороженька» и буквально во всех застольях звучит «Волховская застольная», которая может начинаться по-китайски, а продолжается по-русски или наоборот.

Выьем за Сталина!

Выьем за Ленина!

Выьем и снова нальем!

² Здесь мы упоминаем только песни, записанные в более или менее «полном» варианте, т. е. не менее 2—3 куплетов.

*Выьем за тех,
Кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу!*

*Выьем за тех,
Кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу!*

如果在节日里 (Если в праздничный день)

有几位好朋友 (несколько хороших друзей)

同我们欢聚在一起 (соберутся вместе,
起让我们回忆起 (будем вспоминать

珍贵的一 (то драгоценное время,
切唱起了愉快的歌 (когда пели радостные

песни)

(Зап. В. Л. Кляуса, А. А. Острогской)
[ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2014. HD1].

Фольклорный характер «переводных» песенных текстов — это одна из проблем, которая требует теоретического осмысления. Каждая из песен в этом отношении имеет свою «судьбу». Степень смысловой удаленности переводного текста от оригинала, наличие вариативности при исполнении, указывающей на закрепление текста в устной традиции, позволяют говорить о них на определенном этапе бытования как о фольклорных. В этом отношении они, к примеру, ничем «не хуже» песен-переделок, в фольклорности которых мало кто из исследователей устной словесности сомневается.

«Гибридные» формы — часть текста по-русски, часть по-китайски — встречаются и среди частушек. Они, кстати, вызывают какое-то особое веселье среди самих трехреченских исполнителей — билингвов, прекрасно понимающих содержание подобного рода припевов и ощущающих языковую игру при переходе с одного языка на другой:

Чжу Минь Я (имя девушки. — *Соб.*),

Чжу Минь Я,

Чжу Минь

Ягода моя!

(Зап. В. Л. Кляуса, А. А. Острогской)
[ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2014. HD1].

«Гибридных» частушек немного, и это в целом подтверждает наблюдение одного из авторов статьи, что набор припевов, которые знают трехреченские китайские русские, ограничен, новых текстов, скорее всего, не возникнет.

кает, исполнители пользуются частью того фонда, который был сформирован к 1950-м гг., т. е. до массового отъезда русского населения из Трехречья.

Интерес к русскому фольклору на китайском языке среди российских исследователей появился практически сразу, когда они начали полевые исследования в Трехречье. В. Л. Кляус обратил внимание на песни [Кляус 2008, 12], на приговоры к домовому при вселении в новый дом [Кляус 2011, 36], устные рассказы из жизни семей метисов были зафиксированы А. Янковым и А. П. Тарасовым [Янков, Тарасов 2012, 26—27]. Р. П. Матвеева писала о русских сказках на китайском языке. Она, в частности, указала, что одна из ее респонденток А. Н. Первоухина «замечательно исполнила по-русски сказки “Нюрушка-снегурушка”, “Петя-петушок и жерновцы”, “Козлятушки-ребятушки”, сказку А. С. Пушкина о золотой рыбе», заметив, что «так же бойко, эмоционально, с варьированием интонации в диалогах исполнила эти же сказки по-китайски. Внукам рассказывает на китайском языке» [Матвеева 2012, 133].

Последнее замечание очень интересно, оно указывает на то, что с исчезновением языка русский фольклор продолжает свое бытование на «чужом» для него языке. Феномен характерен и для других фольклорных традиций на исчезающих языках.

Целенаправленно изучение бытования русского фольклора на китайском языке в Трехречье было предпринято в июле 2014 г. в совместной экспедиции Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва) и Института национальных литератур АОН КНР (Пекин) под руководством профессора Лю Куйли, академика Академии общественных наук КНР, профессора Академии социальных искусств КНР. Экспедиция осуществлена при содействии администрации по сохранению культурного наследия и культурного центра национального меньшинства «русские» г. Эргуна (КНР, провинция Внутренняя Монголия). Исследования проводились на территории села Эньхэ (恩和乡, русское название Караванная),

села Сяньян (向阳, русское название Ернишное), села Шивэй (室韦, русское название Олочи), деревни Линьцзян (临江, русское название Ключи).

Особый интерес представляет фольклорная проза. Китайскими исследователями было предпринято собирание устных рассказов, касающихся истории появления русских в Трехречье в начале XX столетия, возникновения русско-китайских брачных союзов, событий, происходящих в годы Культурной революции. Они, в частности, послужили основой для ряда глав книги «Вековая хроника жизни русского национального меньшинства» [Хроника 2007]. Проблема состоит в том, что не совсем понятно, как фиксировались эти устные тексты, насколько точно они воспроизведены. Кроме того, для устных рассказов китайских русских, содержанием которых является относительно современная история XX в., нет параллелей в «материнской» традиции Восточного Забайкалья. Именно поэтому они в меньшей степени представляют интерес в плане перехода фольклора с «родного» языка бытования на «чужой».

Полевые исследования по фиксации русской (по происхождению) фольклорной прозы на китайском языке носили пилотный характер. Первоначально предполагалось, что от молодых метисов, говорящих только по-китайски, удастся сделать записи мифологических рассказов и христианских легенд, которые в «материнской» традиции распространены в большей степени, чем сказки. Об активном бытовании последних, как верно заметила Р. П. Матвеева, говорить в Трехречье не приходится [Матвеева 2012, 133].

Предпринятые полевые исследования показали, что христианские легенды об Иисусе Христе, Богородице и святых, которые фиксировались от старшего поколения китайских русских, среди младших по возрасту не бытуют. Во всяком случае, ни одного текста данной жанровой группы, исполненного по-китайски, пока записать не удалось. Проблема состоит в специфическом состоянии православной традиции в Трехречье, носителями и хранителями которой является именно

старшее поколение метисов. Интересно, что среди них мы столкнулись с ситуацией отказа исполнить какую-либо христианскую легенду по-китайски, без особых объяснений. На наши вопросы о том, рассказывали ли они их по-китайски своим детям или внукам, которые не понимают по-русски, слышали ответ, что нет, потому что им (детям, внукам) это якобы незачем. С большой долей вероятности можно говорить о том, что данная традиция прервана, хотя нельзя исключать, что отдельные сюжеты всё же имеют хождение среди молодых прихожан церкви святителя Иннокентия Иркутского в г. Эргуна, с которыми нам пока не удалось пообщаться.

Несколько иная ситуация — с мифологическими рассказами. Упоминание отдельных персонажей, ситуаций и более-менее полные тексты быличек, записанные по-китайски, расширяют круг известных трехреченских мифологических сюжетов. Хотя и здесь первоначально наши ожидания по количеству и качеству текстов, которые могут

бытовать на китайском языке, были намного выше.

Можно назвать следующие причины того, что ожидания большого объема записанных материалов не оправдались. 1) Младшее поколение полукровцев полностью ассимилировалось в китайской социокультурной действительности и даже если продолжает жить в Трехречье, то высокая занятость работой, которая появилась не так давно с началом развития этнотуризма, и современные формы проведения досуга не способствуют передаче русской фольклорной традиции. 2) Подростки китайских русских интересуются культурой, участвуют в представлениях на праздник Пасхи, однако уже не помнят того, что им рассказывали их бабушки и дедушки в детстве, но еще не достигли того возраста, когда им захотелось бы дорожить своим культурным наследием.

В качестве примера приведем один из текстов, записанных от метиса Ивана Дементьева, 1945 г. р., жителя села Эньхэ (Караванная).

<i>У нас ра..., раньше мама рассказывает, 算卦的 <гадания> Русские живут</i>	
那个算卦的节日吧巴斯克节.	Вот праздник, на который гадают, — это Пасха
农村的算卦, 算对象。	Гадают деревенские, ждут предсказания о суженом
那个玻璃杯, 不带花的玻璃杯, 倒上凉水	Берут стеклянный стакан, без узоров, просто стеклянный стакан, воду холодную наливают
<i>Колечко, колечко туды положат, потом зеркало положат, свечку зажгут эта, в полночь эта, в подполье 算卦 <гадают>, там идёт, кого видит жених у их. А вот это... А вот это, гыт, было, они глядели, кто знает оне. У нас Анька, у меня сес..., сестра, она, гыт, правда, она, гыт, правда, она эта ви..., видела. Они в подполье это. <нрзб.> А мы не делали не знаем, она это говорела <Соб.: А сейчас не делают так?> Не стали. Кто? <...> А сейчас не верят, не веруют, а раньше-то все верили. Раньше эта <...> Это раньше они э...э старые бабушки-то, они это назна, пугают, назна. Они, гыт, вечером-то ежли, эта, в баню-то нельзя ходить. Ха-ха. <Соб.: А почему?> Там, гаврит, чёрт есь. <...></i>	
澡堂子里, 意思就是, 半夜三更不能上澡堂, 不能到澡堂子里去。	Всё дело в том, что глубокой ночью ходить в баню никак нельзя
澡堂子里算卦呢, 就出鬼, 来干嘛的。	Ну а уж если в бане гадать, то сразу чёрт вылезет узнать, чем вы там занимаетесь
她说有个姑娘, 胆子挺大, 她就去算卦去了, 上那澡堂子里。	<Бабушка> говорила, что была одна девушка, шибко храбрая. Собралась она гадать и пошла в баню
<i>Мне бабушка рас..., рассказывала по-русски, а я по-русски-то <...> <Соб.: Что бабушка рассказывала?> Она сказки-то, по-русски не много говорю, рассказывать. Она гово..., говорела, гыт, одна девочка эта пошла туды 算卦 <гадать> в баню. Ну-ну-ну. Я по-китайски, можно?<...></i>	

讲故事吧，中国话讲吧？	Давай по-китайски расскажу историю!
完了，再讲说有一个姑娘，找对象，上澡堂子里去，算卦去。	Вот, была девушка, в поисках суженого пошла в баню и стала гадать
她就算卦呢，这个姑娘拿着那个镜子，挂着，玻璃杯，她就算卦，完了，她呢，穿着裙子吧，她那里面有公鸡啊。	Гадая, она достала и повесила зеркальце, стеклянный стакан — так она гадала. Надела юбку, петух у нее там был
她算算，到半夜了，就来人了，来了个小伙子，挺精神，说：我要你。	Она гадала-гадала до полуночи, как кто-то зашел, зашел добрый молодец и заявил: «Ты мне нужна!»
你要我，你给我东西啊，你不能白要我啊。	«И ты во мне тоже нуждаешься, дай мне что-то, даром ты меня не получишь!»
完了，那个小伙长的挺精神。	А юноша был полон сил
那我得要东西啊。要啥啊？要布啊。	«Тогда мне что-то нужно. Что же надо? Вот <отрез> ткани кстати будет»
那时候布缺，不是吗？哎哟，他就拿布。	Нынче с тканями недобор же! Ах! Вот он и принес ткань
拿一匹。	Принес один рулон
小伙长的挺精神，也漂亮，个儿又高。	Юноша был красив да высок и полон сил
完了，他说：我要当你对象，要你吧。	Он сказал: «Я буду твоим суженым, ты мне нужна!»
她同意了，就定日子。	А девица и согласилась, и назначили день
就要你，你得有东西。	«Ты мне нужна, ты можешь что-то попросить для себя»
管他要布，他就拿来了。	Узнав о том, что ей нужна ткань, он сразу принес ее
拿一匹布，她就嫌少，太少。	Однако, получив один рулон, она сильно разволновалась, что ткани недостаточно
她又去求去，求求求的公鸡，求得差不多了。	Она снова просила, и петухом просила <?>, и просила, и почти добилась своего.
他一看这事时间也到了，再也不能去坏事了。	Он заметил, что время подходит, и больше нет возможности сотворить недоброе
那女的一站起来一要在她不公鸡一放，鬼怕公鸡不是吗？	Тогда та девушка встала, отпустила петуха, черт испугался петуха, ага?
公鸡打鸣他不就跑了么，这鬼一放一下子就窜了	Петух закукарекал — черт тотчас обратился в бегство
他是个鬼，这女的抱着布就回来了，这家回，抱那些布就回来了，正好跟前面一个女的碰上了，她说你咋弄的，哎	Это черт был, а девушка обхватила руками рулон ткани и возвращалась домой, как вдруг натолкнулась на женщину, а та спросила: «Ты что делала?»
她说，昨天我算卦，算的一个	Она сказала: «Вчера ходила гадать, нагадала одного!»
小伙子来送的，这女的一看，你算卦挺灵？	Суженый приходил». Женщина как увидела: «А ты хорошенько умеешь гадать?»
我也算卦去，这女的也去了，去了呢啥也没拿啊	Я тоже пойду погадаю». Эта женщина тоже пошла. Пошла и ничего не получила
完了，就给她算上卦了，半夜又来了，	Потом погадала — в полночь снова пришел

<p>Это вошел он в комнату, злой вошел в комнату: «Блин, я тебе вчера отдал всё, а ты меня обманула!». Скрутил он ее шею, задушил ее</p>	<p>Эта вошла она в комнату, злой вошла в комнату: «Блин, я тебе вчера отдал всё, а ты меня обманула!». Скрутил он ее шею, задушил ее</p>
<p>Потом на следующий день утром вошли в баню, а та девушка там мертвая</p>	<p>Потом на следующий день утром вошли в баню, а та девушка там мертвая</p>
<p>Этот черт, он взял и спустил на нее всю злобу, она стала козлом отпущения, а та, которая забрала вещи, ушла и за это не получила <наказания>, ага?</p>	<p>Этот черт, он взял и спустил на нее всю злобу, она стала козлом отпущения, а та, которая забрала вещи, ушла и за это не получила <наказания>, ага?</p>
<p>Она еще не брала петуха, не бросала петуха, ага? После этот петух <закукарекал>, и эта девушка получила всё добро, ага?</p>	<p>Она еще не брала петуха, не бросала петуха, ага? После этот петух <закукарекал>, и эта девушка получила всё добро, ага?</p>
<p><i>В баню не надо ходить. Там черти. Ха-ха-ха. Черти. 现在谁怕 <Теперь все боятся>, в бане спать еще боятся. Ходят в баню-то, дверь маленька, э...э окошко маленькое, в избе камень, камень сделан, значит дымит, эта всё камень, камень сделана. Она чёрная, зайдёшь, тоже не как сейчас — бело всё, агы. Там это вот эдак э... рассказывали.</i></p>	

(Зап. А. А. Острогской) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречь 2014. HD1].

История была рассказана в связи с расспросами о гаданиях, при этом Иван предпочел сделать это по-китайски, так как русским владеет не очень хорошо, что видно из приведенной записи. Отметим, что он помнит, что гадали обычно на какой-то праздник. Но так как респондент имеет слабые представления о православном календаре, кроме того понимания, что главным праздником является Пасха, то к ней он и «приурочил» гадания.

Нередко местом для гадания у русских выбиралась баня. Именно здесь рассказчик вспоминает запрет о том, что поздно вечером в нее ходить нельзя. И другие китайские русские еще помнят об этом запрете, но с чем он связан, сказать затрудняются. Иван отмечает, что русские бабушки говорили о том, что «там черт есть».

В 2010 г. одним из авторов данной статьи от сестры Ивана Дементьева бабы Нины была записана та же история, но по-русски. Нина Дементьева старше своего брата почти на 10 лет. В ее изложении события развивались следующим образом:

«У нас бабушка всё рассказывала. <...> Но дак вот э...э — работала одна в стряпках. Пошла ворожить, она была удаля, а та-та ничё не знала. Но она пошла ворожить — она стол поставила сюда, чтобы ей убежать-то ловко, у дверей-то. Стол-то поставила сюда,

сама суды сяла. А суды стул поставила. И ложки всё положила, кушать, и вино налила, и сигареты. А он когда заходит там, она взад-то нельзя глядеть-то. Он зашёл, потом эдак прошёл, суды сял. “Чё тебе надо?” Ей чё надо, она говорела. Она на его не глядела. А что ногам-то он там стукат, она увидала. Коньи, гыт, копыты. Здесь-то что человек, а на, по ногам-то — коньи ноги-то у него. А у ей вот это место, в подоле-то, петух с курицей. А удаляя эта девка! Ну-от она с его много чё-та просила. Он ей натаскал. Она всё это сложила на стол. Она сложила, она чё жа молитву знат. Тепереча, когда всё это хватит, она потом этого петуха-то бросила и с курицей, да сама-то его выскочила в дверь-то, благословесь. Она (ей жа там дверь-то не залаживали в избе, дожидают её) сразу дверь поймала и закрывай вот так, не гляди взадь. Она сразу скорей забежала да закрыла. “Ну чё? Как?” — её спрашивают. “Ну, ладно — завтра!”

Утром пошли. У ей там петух ходит, курица ходит, огонь, огонёк всё-та горит. А вот этак-то товару (т. е. ткани. — Соб.) натаскал. Она же берёт его благословесь, благословесь. Он не мог-то утащить-то его. А назавтре — “Ой!” Тут соседка живёт, в стряпках. “Я вот вчера ворожила, вот встречу заработала”. — “Но, я сёдня пойду!” Она назавтре пошла, он её задавил! Она пришла, ничё не принесла. “Мне-то надо, друго

надо». — «Тебе кого надо? Я вчера тебе всё принёс!» И задавил её. Утром пошли — она там покоенна. А эта-то удала! Счас нас отправь — мы не знам. Ну чё жа не задавит! А та насобирала много» (Зап. В. Л. Кляуса, Е. Еркиной) [Архив УНЦСА РГГУ. Трехречье 2010. HD1].

Начало истории, рассказанной Ниной Дементьевой, напоминает начало былички, записанной В. П. Зиновьевым в с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл. в 1969 г.: «Ворожили девки. В баню стол унесли, закуски наставили и по одной сидят в бане, дожидаются. Петуха принесли и иголку... В двенадцать часов ночи колокольцы загремели. Заходит в баню мужчина <...>» [Зиновьев 1987, 102].

На этом сходство заканчивается: в забайкальской быличке события дальше развиваются согласно сюжетному типу, который в указателе Зиновьева обозначен под номером VI 356 со следующим описанием: «Девушка во время гадания берет вещь (отрезает лоскут от одежды) явившегося ей человека, вскоре он становится ее мужем, обнаруживает пропавшую вещь (лоскут) и убивает (бросает) жену» [Там же, 312].

Аналогов трехреченской былички среди мифологических рассказов Забайкалья или других регионов России нам не известно. Они обнаруживаются среди сказочного фольклора. Фактически перед нами текст на сюжет волшебной сказки, обозначенный в СУС под номером 480С** *Мачеха и падчерица* и имеющий следующее описание: «посланная мачехой в лес (баню), падчерица заставляет там черта (лешего) носить ей по одной разные вещи, проводит время до петухов; родная дочь погибает» [СУС 1979, 142]. Здесь же дается ссылка на более чем 30 опубликованных текстов на данный сюжет из всех трех восточнославянских фольклорных традиций. В основном это записи XIX — начала XX в. Сказки на данный сюжет до недавнего времени записывались в Калужской обл. и Татарии [Лутовинова 1993, № 61–63].

Забайкальский сказочный материал на сюжет 480 представлен только одной публикацией, с сюжетной «разновидно-

стью» о медведе: к падчерице, которую отец по требованию мачехи увозит пасти скот в падь Тунгуска, приходит медведь, она играет с ним в прятки, обыграть его девушке помогает мышка, и медведь дарит ей подарки; когда за подарками приезжает родная дочь и проигрывает игру, то медведь съедает ее [Зиновьев 1989, № 58]. При этом интересно замечание собирателя о том, что «сказка очень популярна в Забайкалье, в сибирских сборниках встречается редко» [Там же, 429]. В качестве доказательства этого В. П. Зиновьев указывает на записанные им варианты данного сказочного сюжета в Сретенском и Нерчинском р-нах Читинской обл., которые пока, видимо, еще не опубликованы.

Трехреченская быличка, принесенная в Китай из Забайкалья, подтверждает популярность сказочного сюжета о матери и падчерице у забайкальских сказочников. Она же является примером трансформации сказки в мифологический рассказ. Процесс этот оказался возможен, потому что сказочная и быличковая истории имеют сходную сюжетную ситуацию — героиня оказывается в бане в неурочный час. Под влиянием широко распространенных в фольклоре русского населения Забайкалья быличек о рождественской ворожбе произошла потеря элементов сказочного повествования: падчерица и родная дочь заменяются обычной девушкой и ее соседкой, героиня знает правила поведения с нечистой силой: нельзя смотреть прямо на черта; нужно благословлять вещи (забайкальцы действительно верили, что неблагословленную вещь черт может утащить) [Зиновьев 1987, 35, 41]); чтобы отогнать черта, нужно использовать петуха — заставить его кукарекать. В более общем плане можно указать, что в трехреченской быличке черт фактически служит девушке, принося ей *товар* — рулон ткани, подобно огненному змею, хотя последний, как известно, приносит исключительно деньги/золото [Козлова 2011, 407; Гордеева 1991, 105].

В трехреченской быличке обращает на себя внимание сужение до товара, т. е. ткани, разнообразия предметов, которые в волшебной сказке приносят

черт, леший, медведь и другие в качестве приданого или подарка. Причем в варианте на русском языке о том, что черт приносит именно ткань, мы узнаем лишь в конце, а первоначально не ясно, что это было («Ну-от она с его много чё-та просила. Он ей натаскал. Она всё это сложила на стол. Она сложила, она чё жа молитву знат»). А в варианте по-китайски сразу говорится о том, что ткань будет «кстати» (нынче с тканями недобор же). Мотив готовности девушки выйти замуж, если жених принесет ей платье или платок, сшитый из особой ткани, хорошо известен в трехреченской фольклорной традиции, в частности по семейному преданию метиса И. В. Васильева [Кляус 2012, 95—96; Янков, Тарасов 2012, 26]. Вероятнее всего, данная замена произошла в Китае или, во всяком случае, на границе с Поднебесной империей под влиянием представлений об уникальности китайских тканей, которые для русских обладали большой ценностью.

Сопоставление трехреченских китайского и русского вариантов былички показывает, что в сюжетном отношении они равнозначны и дополняют друг друга, хотя, конечно, вариант, записанный от Нины Дементьевой, имеет больше деталей, которых нет в тексте ее брата: объяснение расположения стола и стула в бане, где села девушка — ближе к двери, чтобы можно было убежать; запрет смотреть прямо на черта; использование девушкой молитвы, когда черт приносит ткань и когда она выбегает из бани; указание, что девушка бежит в избу, где ее ждут подруги; обретение ткани, которую принес черт, только на следующий день; указание, что вторая женщина, которая погибла, была соседкой. В варианте Ивана, рассказанном по-китайски, можно указать на следующие элементы, которых нет у его сестры: черт приходит в полночь; петух закукарекал, и это выгнало черта.

Интересны и различия между двумя вариантами:

<i>Рассказ Нины Дементьевой по-русски</i>	<i>Рассказ Ивана Дементьева по-китайски</i>
Девушка ворожит	Девушка гадает на суженого
Для ворожбы девушка ставит на стол ложки, еду, вино, сигареты	Для гадания девушка использует стакан, зеркало
Облик черта: выглядит как человек, но ноги — копыта	Облик черта: красив, высок, полон сил
Девушка приносит петуха и курицу	Девушка приносит петуха

Цели девушки — гадание или ворожба — определяют набор используемых для ее осуществления предметов: стакан и зеркало для гадания; ложки, еда, вино и сигареты для ворожбы. При этом, конечно, происходящие в бане события правильно назвать ворожбой, когда «суженый» приглашается на ужин. В то время как при гадании с зеркалом и водой в стакане гадающая не должна допустить «выхода» «суженого» из зеркала. Если это происходит, то сразу же приводит к печальному для нее последствию. Облик черта в рассказе Нины Дементьевой больше соответствует «канону», но странным выглядит в ее тексте то, что девушка приносит с собой петуха и курицу: присутствие курицы здесь неуместно.

Есть некоторые различия и в характере повествования. Вариант по-китайски более насыщен диалогами: очень подробно передан диалог между первой девушкой и чертом в бане, чего вообще нет в варианте былички по-русски, более подробно дан и разговор между первой и второй девушками.

Оба варианта имеют один первоисточник — и Иван, и Нина слышали быличку от своей русской бабушки. Но сестра старше брата, ее знание русского языка намного лучше, именно поэтому будет верным предположить, что ее вариант, рассказанный по-русски, ближе к первоисточнику. «Забывание», точнее «выпадание», целого ряда элементов повествования в китайском варианте может объясняться тем, что брат мень-

ше общался со своей бабушкой. Нельзя исключать и гендерной обусловленности характера исполнения — Иван как мужчина допускает в своем рассказе ругательства (в переводе передано словом *блин*). Но и, конечно, на разницу вариантов повлиял и переход на иной язык исполнения — китайский текст более насыщен диалогами, чем русский, хотя именно эта художественная особенность делает его ближе к восточнославянским сказкам о мачехе и падчерице.

Таким образом, анализ записанной в Трехречье былички о девушке и черте в бане показывает, что ее сюжет восходит к сказочному сюжету о мачехе и падчерице, который в процессе продолжительного бытования в Восточном Забайкалье и Приаргунье перешел в жанровую форму мифологического рассказа. Оказавшись в китайском Трехречье в ином языковом, культурном, экономическом, социально-политическом окружении, быличка стала исполняться на «чужом» языке. И хотя при этом в целом сохраняется ее сюжетная линия, всё же иной ценностный мир, иная поэтико-стилевая система трансформировали характер повествования фольклорного произведения.

Записи русского фольклора по-китайски от потомков русско-китайских браков в Трехречье свидетельствуют о том, что при утрате «родного» языка фольклорная традиция не исчезает бесследно. Она продолжает бытовать на «чужом» языке, но как долго это продлится в Трехречье, зависит уже от социокультурных факторов жизни этнического сообщества китайских русских.

Сокращения

Архив УНЦСА РГГУ — Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

ФК ИМЛИ РАН — Фольклорная коллекция отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Литература

Гордеева 1991 — Гордеева Н. А. Указатель сюжетов быличек и бивальшин Омской области (1978–1984) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. Иркутск, 1991. С. 99–112.

Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Зиновьев 1989 — Русские сказки Забайкалья / сост. В. П. Зиновьев. Иркутск, 1989.

Кляус 2008 — Кляус В. Л. Русский фольклор в Трехречье (КНР) // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 3. М., 2008. С. 5–21.

Кляус 2011 — Кляус В. Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трехречье (КНР) // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 32–42.

Кляус 2012 — Кляус В. Л. Видеосъемки обрядовых традиций метисов Трехречья // Визуальная антропология: российское поле. М., 2012. С. 84–98.

Козлова 2011 — Козлова Н. К. Проблемы составления указателя мотивов мифологической прозы // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сб. докладов. Т. 3. М., 2011. С. 390–413.

Лутовинова 1993 — Русские народные сказки о мачехе и падчерице / сост. Е. И. Лутовинова. Новосибирск, 1993.

Матвеева 2012 — Матвеева Р. П. Русский фольклор в национально-смешанном культурном контексте // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: российской и монгольской / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб., 2011. С. 131–140.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. И. Кабашников, И. В. Новиков. Л., 1979.

Хроника 2007 — Вековая хроника жизни русского национального меньшинства (俄罗斯族百年实录). 2007.

Янков, Тарасов 2012 — Янков А. Г., Тарасов А. П. Русские Трехречья: история и идентичность. Чита, 2012.

Summary. *The article is based on the field-work data materials collected by the authors. It is considering the existence issue of Russian folklore in Chinese language among the descendants of Sino-Russian marriages who are currently living in the so-called Three Rivers Region, while they have almost lost their Russian language skills. It is stressed that the middle generation of Russian minority in China, who live in the Three Rivers Region and speak Chinese, have saved the prosaic folklore which is related to the mythological stories genre.*

Key words: *People's Republic of China, the Three Rivers Region, "Russian minority in China", folk traditions of the Russian-Chinese frontier area.*